

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coc)-44
Ч-42

Diane Chamberlain

THE LIES WE TOLD

Copyright © Diane Chamberlain, 2010
This edition published by arrangement with Writers House LLC
and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Н. Лебедевой*

Художественное оформление *Г. Федотова*

Чемберлен, Диана.

Ч-42 Муж напрокат, или Откровения верной жены / Диана Чемберлен ; [пер. с англ. Н. Лебедевой]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 384 с. — (Романтическое настроение).

ISBN 978-5-04-090863-9

Это была любовь с первого взгляда: Майя увидела, с каким вдохновением Адам работает, и поняла, что, если этот парень не станет ее мужем, она будет жалеть об этом всю жизнь. И Ребекке он сразу понравился.

Сестры Ребекка и Майя пережили в детстве страшную трагедию и с тех пор стараются во всем поддерживать друг друга. Неугомонная Ребекка не сидит на месте, а Майя поглощена бытовыми и семейными проблемами. Но в трудную минуту одна всегда готова помочь и даже подменить другую. Так ли безобидно это желание?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coc)-44

© Лебедева Н., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-090863-9

*Моей сестре,
Джоан Лопрести Скэнлон.
Какое счастье, что мы есть друг у друга.*

Майя

Каждая семья может похвастаться своей историей. Пересказанная многократно, она кажется прочной и неизменной. Высеченной в граните. Вот самая суть моей семейной истории.

Мои родители пали от рук незнакомца в маске, который застрелил их на подъезде к дому.

Моя сестра Ребекка столь же прекрасна, сколь и неукротима. Она на редкость хладнокровна и независима до мозга костей. Ей не нужны другие, чтобы быть счастливой. Если что ей и нужно, так это опасность.

Сама я — спокойна, чувствительна, восприимчива и боязлива. В каком-то смысле полная противоположность своей сестры. Я нуждаюсь в защите и безопасности, а еще — в мужчине, который будет любить меня.

Беда лишь в том, что семейные истории чаще всего высечены не в граните, а на песке. Даже то, что мы считаем истинным — что мы думаем о себе, — не выдерживает пристального взгляда. Это ложь, которую мы рассказываем окружающим. Ложь, которую мы рассказываем самим себе.

ПРОЛОГ

Майя

Я сразу поняла, когда папа свернул с улицы к нашему дому, расположенному в городке Аннандейл, штат Вирджиния. Я поняла это, хотя и лежала, свернувшись в клубок, на заднем сиденье машины. Я почти что дремала — такое вот полузабытье, в котором мне хотелось находиться вечно, лишь бы не думать о том, что я сегодня совершила. Дождь звонко стучал по крыше машины, но я слышала шуршание гравия под колесами и почувствовала знакомый толчок — дорога в этом месте проходила над сточной трубой. Вот мы и приехали. Сейчас мне предстоит открыть глаза, выбраться, невзирая на боль в теле, из машины и как ни в чем не бывало направиться домой. Нужно сделать вид, будто ничего не случилось, хотя в действительности мой мир лопнул, как мыльный пузырь. Так мне, по крайней мере, тогда казалось. Я и понятия не имела, что через считанные секунды привычный для меня мир действительно рухнет. И с этого момента все пойдет по-другому.

Отец вдруг резко нажал на тормоз.

— Что еще...

Я села, поморщившись от острой боли в животе. В свете фар мне удалось разглядеть маму,

которая бежала к машине, отчаянно размахивая руками. Никогда еще я не видела ее в такой спешке — с мокрыми растрепанными волосами, в мокром же платье, плотно облепившем ее бедра.

У меня тут же перехватило дыхание, а из груди вырвался слабый стон. Она знает, решила я. Знает, где мы только что были.

Мать распахнула дверцу машины, и я напряглась, ожидая нелестных слов.

— Трогай! — закричала та, запрыгивая на сиденье. — Назад! Скорей!

От нее явственно пахло дождем. И страхом.

— Что такое? — в изумлении уставился на нее отец. В моей памяти навсегда запечатлелся его профиль: очки в металлической оправе, римский нос с легкой горбинкой.

— Живей! — бросила моя мать.

— Да что такое...

— Трогай! О боже, вот и он! — она махнула рукой, и в свете фар мы увидели фигуру мужчины, направлявшегося прямо к машине.

— Кто это? — папа наклонился вперед, чтобы получше разглядеть незнакомца. — Мне кажется... что это на нем, лыжная маска?

— Дэн, — мама потянулась к рычагу. — Давай же!

На тот момент сонливость с меня как рукой сняло. Я ощутила приступ жуткого страха — еще до того, как разглядела ледяные глаза незнакомца. До того, как он поднял руку. Руку, в которой был пистолет. Я стремительно нырнула за водительское сиденье, прикрыв голову обеими руками, но даже мой вопль не смог заглушить грохота выстрелов.

Это была целая канонада. Позже мне сказали, что он выпустил лишь пять пуль, но тогда мне казалось, их было пять сотен.

В мою память навсегда врезался грохот выстрелов, а еще — холодные глаза убийцы, четкий профиль отца и платье матери, облепившее ее бедра.

Ну и сестра.

Главным образом, моя сестра.

1

Майя

Даже не сосчитать, сколько раз я проходила мимо этого огромного здания на Центральном бульваре, так и не заглянув внутрь. Но сегодня мне все было нипочем. Все мамочки по соседству только и толковали о том, с какой скидкой тут можно купить замечательные вещи. Но я не нуждалась в скидках. Мы с Адамом и так могли позволить себе все, что угодно. Наш общий заработок — детского ортопеда и врача-анестезиолога — позволял не думать о деньгах. Стоило мне переступить порог магазина, как меня окутал запах лимонного масла. И только тут я поняла, почему я здесь. На ум пришла Кэти Уинстон, моя знакомая по клубу любителей книги. Это она в свое время взахлеб рассказывала о том, какую чудесную мебель для детской ей удалось обнаружить в магазине. Тогда она еще вынашивала своего первенца. Сейчас они с мужем поджидали уже третьего ребенка. Наконец-то и мне повезло, подумала я, оказавшись в просторном фойе, цементный пол которого устилали восточные ковры, а стены были расписаны алым и золотым.

У всех женщин, посещавших заседания нашего клуба, были дети. У всех, кроме меня. Что и гово-

рять, относились они ко мне тепло и по-доброму, но я неизменно чувствовала себя лишней, когда разговор переключался на детские колики, на проблемы ухода за малышами, а также на плюсы и минусы местного образования. Наверняка им казалось, что мне нет дела до подобных пустяков. Уже одно то, что я была доктором, выделяло меня из общей массы. В клубе бытовало мнение, что я осознанно предпочла карьеру материнству. В свою очередь, все мои сотоварки были домашними мамочками. Большинство из них работало до беременности, а кое-кто и по сей день продолжал трудиться на дому, но они все равно не считали меня своей. Думаю, они понятия не имели о том, как сильно мне хотелось вписаться в их круг, ведь обычно я держала свои чувства при себе. Но теперь уже в этом нет необходимости. При следующей встрече я обо всем расскажу своим соседкам. Надеюсь только, что смогу удержаться от слез.

Сегодня исполнилось ровно шестнадцать недель. Положив руку на округлившийся животик, я неспешно шла по проходу, мимо аккуратных отдельчиков, заполненных старинной мебелью и различными товарами ручной работы. Наконец-то я была в безопасности. Мы были в безопасности. Большинство пар ждет конца первого триместра, чтобы рассказать обо всем окружающим, но мы с Адамом убедились в том, что даже двенадцати недель бывает недостаточно. Последний раз я продержалась двенадцать недель и два дня. Тогда мы установили для себя новый рубеж — четыре месяца. Шестнадцать недель. А до этого никто ни о чем не узнает — разумеется, за исключением

Ребекки. Лишь миновав шестнадцатинедельный рубеж, мы займемся обустройством детской.

С довольной улыбкой я шествовала по проходу, как какой-нибудь случайный посетитель. Некоторые отделы оказались до такой степени заполнены товарами, что не было никакой возможности протиснуться внутрь. Другие были обставлены в духе минимализма: полки, на которых красовалось по одному-единственному предмету. Там и сям виднелись вывески с названиями, что придавало этим скромным комнаткам вид настоящих магазинов. «Всякая всячина от Энджи». «Рукоделье Северной Каролины». «Товары на любой вкус». Покупателей тут, впрочем, можно было пересчитать по пальцам, а охраны и вовсе не наблюдалось. Пожелай ты сунуть в карман какой-нибудь пустячок, никто бы этого даже не заметил. Столь явное доверие к покупателям наполнило меня неожиданной радостью.

В одной из кабинок я пробежала пальцами по гладко полированной поверхности стола, а в другой не удержалась и потрогала стеганое одеяло. Проходя мимо очередной кабинки, я увидела там небольшой столик с кофейником, черничными булочками и табличкой, надпись на которой гласила: «Кофе бесплатно, булочки — 1,5 доллара каждая». Здесь же стояла корзинка, в которой лежало несколько долларовых банкнот. Не удержавшись, я взяла с тарелки две булочки и бросила в корзинку чек на пять долларов. Затем я направилась дальше, чувствуя новый прилив радости. До чего же приятно, что вам доверяют в таких мелочах! Что за чудесный мир!

Мне вдруг захотелось позвонить Адаму, чтобы просто услышать его голос. Когда я в последний раз звонила ему безо всякой причины? Сам он с утра пораньше уехал в больницу, да и я весь день принимала в своем офисе пациентов. Если дела в операционной пойдут успешно, Адам вернется домой пораньше, и мы сможем поужинать в каком-нибудь ресторане. Нужно отпраздновать наш четырехмесячный рубеж. Ребенок должен был появиться на свет как раз к Новому году. Что может быть удачнее? Начало новой жизни для нас троих. Вот и с Адамом все должно наладиться. С тех пор как он узнал о моей беременности, в наши отношения закралась какая-то неловкость. По правде говоря, неловкость эта присутствовала там и раньше, но мы старались закрывать на нее глаза, поскольку не знали, как от этого избавиться. Но с сегодняшнего дня все изменится. За ужином мы обговорим наше будущее, все те радужные перспективы, что замаячили наконец перед нами. Может даже, составим список имен — занятие, к которому прежде мы не осмеливались приступить. А потом вернемся домой и займемся любовью — совсем как в былые времена, пока это не превратилось для нас в очередную попытку зачать ребенка. Когда-то нам было хорошо в постели, и мне хотелось, чтобы время это наконец вернулось.

Чуть впереди, над входом в один из отделов, я увидела вывеску «Детская мебель» и тут же поспешила туда. Без сомнения, это было именно то место, о котором толковала Кэти. Стоило мне шагнуть внутрь, и меня окутало новой волной

лимонного аромата. Помещение оказалось заставлено мебелью, но в размещении ее не было ничего случайного или хаотичного. Белые кровати, шкафчики и стулья располагались по одну сторону, светло-коричневые кровати, столики и качалки — по другую. Я задрожала от предвкушения, желая осмотреть все сразу. С каждой вещи свисала табличка, гласившая, что некоторые оригинальные детали были заменены — в связи с изменившимися требованиями безопасности. Убрали свинцовую краску. Сдвинули плотнее прутья на решетчатом ограждении кроваток. Что и говорить, вещи выглядели просто восхитительно. Хотя мы с Адамом так и не решились переделать одну из спален в детскую, мы распланировали там все — вплоть до последней детали. Нам было проще представить роспись, которой мы украсим стены детской, чем самого ребенка. Но теперь все изменится.

Я провела в этом отделе почти час, впечатывая все необходимое в свой BlackBerry. Цены. Контактная информация, позволявшая связаться с хозяином магазинчика. Прочие мелочи. Наконец, с большой неохотой, я покинула это чудесное место. На покупку я так и не решилась. Не сейчас. Пока что я не готова была испытывать судьбу.

Когда родится малыш, мне будет почти тридцать пять. Поздновато для первенца, но меня это не слишком смущало. Для первенца. Потом, разумеется, будут и другие — один... может быть, два. Или целая куча, подумала я, вновь ощутив радостное головокружение.

* * *

Адам позвонил мне, когда я входила в дом.

— Я тут сегодня допоздна, — сообщил он. — Наметилась парочка срочных операций, так что я буду занят. Как ты, в порядке?

— Все замечательно, — ответила я, открывая заднюю дверь и выпуская в сад Чонси. Лишь секундой позже я заметила четырех оленей, мирно жующих наши азалии. Чонси разразился бешеным лаем и устремился вниз по ступеням. Олени флегматично подняли голову и окинули его равнодушным взглядом. Они прекрасно знали, что бояться им нечего.

— Что с Чонси? — спросил Адам.

— Олени, — ответила я, предусмотрительно не упомянув про азалии.

Адам считал оленей очень милыми — до тех пор, пока дело не касалось нашего двора.

— Перекусишь в больнице? — поинтересовалась я, понимая уже, что праздничный ужин придется отложить на завтра.

— Да. — Последовала небольшая пауза. — Я буду работать сегодня с Лизой, — упомянул он свою коллегу, нашу общую приятельницу. — Как думаешь, могу я рассказать ей о Полливог?

Я улыбнулась. От отца ребенок должен был унаследовать фамилию Поллард, и пару недель назад Адам начал называть его — или ее — Полливог. Это значило, он проникся уверенностью в хорошем исходе. Я почувствовала легкий укол беспокойства при мысли о том, что муж расскажет обо

всем Лизе, но тут же подавила в себе эти чувства: пора поделиться с миром нашим счастьем.

— Разумеется, — ответила я.

— Вот и славно. Давай посидим сегодня подольше, поболтаем до рассвета. Идет?

Конечно!

— Жду тебя с нетерпением, — сказала я.

Съев салат и покормив Чонси, я поднялась наверх и устроилась в комнате, которую мы собирались превратить в детскую. Пока что там не было ничего, кроме кресла-качалки. Плевать, если эта старая, потертая штука окажется некстати среди мебели, которую я рассматривала сегодня в магазине. Еще моя мать укачивала и кормила в ней сначала Ребекку, а потом и меня. Это был один из немногих предметов обстановки, который достался мне от родителей. У Ребекки и вовсе не было ничего подобного. Она занимала комнаты на втором этаже дома, принадлежавшего Дороте Ладдоу, и вся ее мебель являла набор случайных вещей. Ребекка чаще всего находилась в разъездах, и ее мало беспокоили подобные пустяки. А вот я жалела, что нам не хватило предусмотрительности сохранить побольше вещей из родительского дома. Но в то время мы были еще подростками, и последнее, что беспокоило нас, — это мебель. Даже качалку я сберегла только потому, что меня убедила в этом женщина из социальной службы. Она заявила мне и Ребекке, что со временем эта вещица нам очень пригодится, а у нас просто не было сил, чтобы спорить с ней.

Почуднее устроившись в старом кресле, я мысленно заполнила комнату мебелью, которую